

Отзыв официального оппонента доктора исторических наук профессора М.В.Зеленова на диссертацию **Виталия Витальевича Тихонова «Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х годов» (М., 2018)**, представленной к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования в диссертационный совет Д 002.018.02 на базе Института российской истории РАН.

Любое обращение к истории исторической науки советской России вызывает интерес как у профессионалов, так и у обычных читателей, поскольку это безграничная тема, до сих пор не раскрытая ни на уровне предметно-конкретных исследований, ни на уровне теоретических обобщений. С этой точки зрения отрадно, что В.В.Тихонов выносит на суд общественности обобщающую научно-квалификационную работу в рамках историографической традиции, рассматривающей взаимоотношение науки и власти. Этой теме посвящено огромное количество книг и статей как в России, так и за рубежом.

Актуальность предложенной темы обоснована не только общественным запросом на анализ взаимоотношений исторической науки и власти, но и историографической ситуацией: количество предметно-конкретных исследований положения науки в 1945-1953 гг. нуждалось в теоретическом обобщении.

Объектом исследования автор диссертации выбрал **«советскую историческую науку в условиях идеологических кампаний»** (с.7 диссертации). Предметом – **«корпорация советских историков»** и **«влияние на нее идеологических кампаний и дискуссий»**. К сожалению, читатель не сможет узнать из диссертации, что же ее автор понимает под терминами «советская историческая наука» и «идеологическая кампания», «корпорация советских историков» и какими мерами изучается «влияние на корпорацию историков», поскольку понятийный аппарат в докторской диссертации абсолютно не развит. Между тем, определение этих терминов дало бы возможность автору не только дифференцировать эти абстракции на более конкретные категории, но и, следовательно, корректно провести исследование не только на уровне реконструкции фактов, но и подняться в целом на более высокие эмпирический и теоретический уровни.

Есть несколько способов дать определение термину, т.е. указать на его существенные признаки и место в ряду других терминов, место в предметном мире. Самый распространенный способ определения – через родовую принадлежность и видовое отличие.

Мы можем определить «историческую науку» как социальный институт (родовая принадлежность), обладающий (в отличии от политики, образования и т.п.) специфическими элементами системы. Тогда для изучения этого

социального института мы применяем институциональный подход, позволяющий выделить и изучить элементы системы: ученых (их сообщества, научные школы и объединения), профессиональную деятельность, научные организации и учреждения (и их нормативную базу), формы взаимоотношений субъектов и объектов, способы оценки научных достижений и т.п. Тогда и «идеологические кампании» мы должны рассматривать как социальный (политический) институт, выделяя в нем идеологов, их специфическую деятельность, идеологические организации и учреждения (и их нормативную базу), формы взаимоотношений субъектов и объектов и т.п.

Мы можем определить «историческую науку» как вид социального сознания (родовая принадлежность), выделяя в нем (в отличие от политического и правового сознания, идеологии и т.п.) такие элементы, как историческая мысль, ступени исторического знания (реконструктивное, эмпирическое, теоретическое), референты знания, картина истории, способы познания и т.п. Тогда идеологию мы также будем рассматривать как вид социального сознания, способ выражения ценностного отношения к миру, задачей которой (в отличие от истории) является не получение нового знания, а оценочные характеристики этого знания. Тогда в «идеологической кампании» мы будем выделять идеологическую мысль, идеологическое знание (т.е. набор политических, научных и т.п. идеологических клише, в которых закреплялись не знания о прошлом, а образ прошлого, оценки фактов, событий, явлений).

Автор выбрал третий путь, определяя историческую науку как «**феномен** противоречивый и неоднозначный» (с.9), продолжая, как он сам пишет, тенденцию, «сутью которой является признание советской исторической науки особым феноменом» (С.13). Делая итог историографическому обзору, диссертант замечает: «уже сейчас очевидно, что многогранность феномена советской исторической науки как части советской цивилизации не позволяет охватить всю совокупность явлений при помощи единой концепции» (С.27). К сожалению, Виталий Витальевич не дает уточнения, что именно он понимает под словом «феномен» (это явление, постигаемое чувственным опытом), хотя именно применение феноменологического подхода сделало бы диссертацию новаторской и интересной. Но этот термин используется или в качестве синонима термина «институт» (по отношению к корпорации историков, например, или по отношению к патронажу), или как синоним термина «явление» (по отношению к изданиям-лауреатам премий).

Между тем, феномены различного рода и различной генетики густо населяют диссертационный текст и сознание его автора: это власть – «не только... внешний по отношению к нему (научному сообществу, - МВ) феномен, но ... необходимый элемент жизни самого сообщества» (С.37), это «маленькие люди» – «*семиотический* феномен сталинской эпохи» (С.45, 86, 451), это «корпорация советских историков как *социокультурный феномен*»

(С.49), это вера в непогрешимость руководства – «психологический феномен» (С.92), это фронтовики – «общественный феномен» (С.106), антисемитизм (С.305), «внутренняя эмиграция» (с.407), феномен переоценки окружающей реальности» (С.409), «глорификация прошлого и замалчивание неудобных фактов» (С.422), феномен «абсолютной простреливаемости» (С.450), «издания-лауреаты – полноценный феномен не только идеологии, но и науки» (С.541), феномен идеологических кампаний (С.594). Феноменами являются не только объекты и субъекты, но и их отношения, например, «Феномен взаимодействия науки и политики» (С.43), феномен «сращивания» профессионального сообщества и партийной элиты» (С.139), «феномен патронажа» (С.120-138).

В диссертации наблюдается смешение разных методологических подходов. Насыщая текст диссертации различными «феноменами» (в том числе и историческую науку рассматривая как феномен) он не применяет феноменологический подход. Выбирая в качестве основного предмета изучения «корпорацию историков», В.В.Тихонов наделяет ее изначально (якобы имманентно присущим) «институциональным характером», поэтому им «в качестве теоретической основы был выбран неинституциональный подход, основной акцент в котором делается не столько на сами институты, сколько на деятельности и взаимодействии субъектов, поддерживающих формальные и неформальные социальные институты» (С.34-35). Применяя институциональный подход к корпорации историков (как предмету), автор не применяет его к идеологическим кампаниям, рассматривая их как часть сознания, то есть больше рассматривает идеологические клише, идеологические оценки, чем систему идеологических учреждений и их лидеров. Кроме того, автор провозглашает применение антропологического подхода и семиотического подхода, дающего ему «возможность деконструировать социальную и культурную реальность как символическую систему» (С.45).

Методологическая невнятность прежде всего отразилась на некорректном использовании терминологического и понятийного аппарата. Особенно стоит подчеркнуть некорректность применения термина «корпорация» к сообществу историков. Термин «корпорация» уже много веков применяется исключительно к коммерческим организациям, компаниям, юридическим лицам, или же с особыми отношениями собственности (как в церкви), чтобы подчеркнуть особые способы ведения экономической деятельности и распределения прибыли. Кажется, нигде этот термин к описанию сообщества (коллективов) историков не применялся. Какими же качествами наделяет диссертант эту «корпорацию», тем более, что она является предметом его исследования? Прежде всего, корпорация историков – это не среда историков (что следует из задач диссертации: отдельно исследовать влияние идеологических кампаний на среду историков, отдельно – влияние на корпорацию историков) (С.8). Рассмотрим контекст применения терминов «среда историков» и «корпорация историков».

Корпорация связана с властью (С.13, 22 и др.), которая осуществляла над ней контроль (С.596), это самостоятельный **феномен** и субъект одновременно (с.15, 32, 49), но и одновременно «социальная **институция**» (С.34), в ней выделяется корпорации медиевистов и антиковедов, а также «отдельные группы» и «части» (С.21, 333, 423, 440), она «насквозь пронизана» партийными структурами и внутрикорпоративными конфликтами, «личными и институциональными» (С.26, 139, 205, 594, 596 и др.), но может выступать монолитно и солидарно (С.418, 440), у нее есть социальная память (С.33, 49, 306), которая строится на мифах, в том числе на мифе об учителях (С.33, 424), но «играет важнейшую функцию в формировании профессиональной идентичности» (С.420), памяти была нанесена травма (С.598 и др.), у нее есть этические нормы (С.44, 430), в ней есть клиент-патронные отношения (С.132, 325), в нее не входили «маленькие люди» (С.418), поскольку она была «относительно герметична» (С.473), ее неформальная структура устояла в результате идеологических кампаний (С.420), а также «внутри корпорации сохранился научный потенциал» (С.599). В корпорации есть научные и образовательные центры (С.595).

Другие качества сопровождают «среду историков». «**Среда профессиональных историков**» - это формально и неформально организованная **институция**» (С.8), у которой есть механизм функционирования. Научная среда тесно связана с советской властью (С.32, 44). В нее проникали партийные институции (первичные партийные ячейки), привнося в нее партийную культуру, ритуалы и поведенческие стереотипы (С.46). Но и «среда профессиональных историков... была довольно сильно инкорпорирована в партийную систему» (С.155). «Послевоенная научно-историческая среда была частью, причем частью вполне интегрированной и адаптированной, советской социально-политической системы» (С.595). Именно режимом «была сформирована среда, готовая отозваться на призыв к погромам» (С.597). Однако патронаж партийных деятелей и крупных историков «помогал избежать самого страшного» (С.48, 597). В среде (как и в корпорации) есть внутрикорпоративные конфликты (синоним научных конфликтов) (С.139), особенностью которых являлось «частое вмешательство в них идеологических органов» (С.144). «Личные конфликты и негласное разделение на партийных и беспартийных делали среду конфликтогенной» (С.155). Среда самопроизводится, ее самосознание развивается, она пополняется за счет «приобщения неофитов к сложившейся системе ценностей», необходимым элементом чего являются «образы классиков профессии, ее отцов-основателей, легенды об их деятельности, интерпретация событий, оказавших влияние на историю сообщества» (С.420-421). Среда обладает «живой (коммуникативной) памятью о кампаниях» (С.423).

Весь пафос применения различных словосочетаний к описанию ситуации в советской исторической науке направлен на решение вопроса о взаимоотношениях властных органов, находящихся «вне науки», и «Науки», находящейся рядом, но «вне власти». Историческая наука в 1920-1930-е годы

постепенно становилась частью советской **политической** культуры (С.66). Будучи частью политической системы, наука подвергалась трансформации: в научную среду привносятся «партийная культура, ритуалы (sic!!!) и поведенческие стереотипы» (С.46), «Советская политическая культура неизменно вторгалась в поле науки, ... в лице «маленьких людей»» (С.473-474). Одновременно с этим историки старой школы «стали проводниками дооктябрьской академической культуры и научности в среду советских историков» (С.518). Однако зачастую политическая культура суживается автором до партийной культуры («коллективистской, нацеленной на формирование новой, партийной по содержанию, идентичности») (С.72). Превращение науки в партийную культуру происходило в ходе идеологических кампаний и дискуссий («это вненаучные явления, часть политической культуры того времени») (С.67). На протяжении диссертации влияние идеологических кампаний на академическую среду рассматривалось как столкновение двух культур (С.594), однако, все-таки, автор приходит к выводу, что «советская историческая наука оказывалась элементом **партийной** культуры того времени» (С.595). Если наука была частью партийной культуры, то тогда с самого начала нужно было и рассмотреть партийную культуру как большее целое, как родовое понятие, а потом изучать науку как видовую часть этой культуры. Следовательно, наука должна была рассматриваться не как социальный, а как политический институт, со всеми вытекающими из этого методологического шага последствиями. И вывод о вине «за случившееся со стороны режима» (С.597) повисает в воздухе (термин «режим» употребляется как синоним термина «политическая система»).

Стоит отметить некоторое несоответствие содержания диссертации заявленной теме. Несмотря на то, что хронологические рамки в названии диссертации четко отграничены 1945-1953 годами, первая глава (100 страниц) посвящена 1930-1940-м годам. В заголовке автор ограничил объект своего внимания идеологическими кампаниями, но рассматривает также и дискуссии, хотя сам разъясняет читателю разницу между этими явлениями. В названии диссертации значится «советская историческая наука», но в содержательном плане «территориальные рамки исследования ограничиваются столицами – Москвой и Ленинградом» (С.7). (стоит заметить, что применение термина «столица» к Ленинграду в научном исследовании не корректно).

Автор на протяжении диссертации проявляет оценочность своего мышления: им употребляются термины «негативные последствия» (С.25, 48), «негативный эффект» погромов (С.47), «негативный облик интеллигенции» (С.95), «негативное влияние» происходящего в стране на науку (С.306) и т.п.

Научные положения и выводы, сформулированные в диссертации, их достоверность обоснованы гигантским фактологическим материалом, найденным автором за годы изучения темы. Им проработаны архивные фонды, мемуарная литература, привлечены самые разнообразные источники, позволяющие построить значительное реконструктивное исследование, насыщенное конкретными фактами. На протяжении всех глав создается

впечатляющая картина становления советской исторической науки в Москве и Ленинграде.

Представленная диссертация соответствует паспорту специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования, поскольку ее содержанием является изучение проблем становления исторической науки в теоретическом, источниковедческом, историографическом и методологическом измерениях. Исследование проведено на базе современных достижений мировой и отечественной исторической науки. Основным объектом изучения являются основные тенденции эволюции исторической науки в историографическом и теоретическом аспектах.

Автореферат отражает содержание диссертации. Основные выводы диссертации согласуются с содержанием и заключением работы. Исследование апробировано, его содержание известно по опубликованным книгам и статьям автора, в которых изложены как фактический материал, так и основные положения диссертации.

Диссертация В.В.Тихонова является завершенным, самостоятельным, научно значимым исследованием, вносящим вклад в разработку истории российской исторической науки. Автореферат и диссертация соответствуют критериям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней», утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842, а ее автор заслуживает присуждения ему искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Доктор исторических наук,
Главный специалист РГАСПИ
М.В.Зеленов

mvzelenov@gmail.com

+78958780437

Ул. Вавилова 79-72

Москва, 117335

3 сентября 2018 г.

Адрес и место работы:
Российский государственный архив
социально-политической истории,
Центр документальных публикаций,
125009, Москва, ул.Б.Дмитровка, 15.
Тел.: +7 (495) 694-51-12.
факс: +7 (495) 692-90-17.
e-mail: rgaspi@inbox.ru

Подпись Зеленов М.В.
удостоверено.

Главный специалист
Е.В. Гладков

